«Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам)

Тамара П. Карпухина ^а, @, ID

^а Тихоокеанский государственный университет, 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

@tkarpukhina1@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

Поступила в редакцию 08.11.2018. Принята к печати 07.03.2019.

Аннотация: Объектом исследования являются манипулятивные технологии формирования образа России как врага в британских и американских СМИ. В основу конструируемого образа сознательно, целенаправленно вкладываются признаки, уже сложившиеся в массовом сознании как стереотип врага, базирующийся, в свою очередь, на древнейшем архетипе врага как чужого, который угрожает существованию всего рода. Манипулятивной стратегии крайне негативной репрезентации России противостоит сверхположительная самопрезентация Британии и США. Россия представлена как мощный вооруженный противник, несущий экзистенциальную угрозу существованию всего мира, более опасный, чем терроризм. Предмет изучения статьи составили языковые средства, лежащие в основе манипулятивных стратегий и тактик, используемых в англоязычной прессе с целью конструирования образа России как врага. Ведущую роль в формировании пейоративного образа России играет так называемая лексика / язык вражды (*hate speech*), построенная на конфронтационных, экстремистских, агрессивных основаниях. В статье также ставится вопрос о преподавании российским студентам такой дисциплины, как «Язык прессы», напрямую связанной с чтением и обсуждением англоязычных статей, основной чертой которых является манипулирование информацией, направленное на дискредитацию, уничижение и очернение России. В статье рассматриваются способы противодействия подобному манипулятивному речевому воздействию, представляющему собой угрозу информационной безопасности России.

Ключевые слова: СМИ, политический дискурс, образ врага, конструирование образа, стереотип, архетип, манипуляция, оценка, самопрезентация, репрезентация, лексика / язык вражды, экстремизм

Для цитирования: Карпухина Т. П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 212–222. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-212-222>

1. Введение

Объектом исследования настоящей статьи являются манипулятивные технологии, направленные на конструирование образа России как врага в англоязычном масс-медийном политическом дискурсе. Предмет изучения составили языковые средства формирования в британской и американской прессе пейоративного образа России, заложенные в основу конфронтационных, экстремистских высказываний и заявлений. В работе ставится задача противодействия подобному агрессивному медиавоздействию в российской студенческой аудитории, изучающей английский язык в качестве основной специальности и читающей аутентичные англоязычные источники, включая газетно-публицистические статьи.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили:

- базовые понятия теории политического дискурса (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, В. З. Демьянков, В. Н. Базылев);
- положение о манипулятивном характере политического дискурса (А. М. Каплуненко, С. Г. Кара-Мурза, О. Л. Михалева, Е. Л. Доценко);
- теоретическое обоснование технологизации политического дискурса, использующего манипулятивные стратегии и тактики речевого воздействия (N. Fairclough, А. М. Каплуненко, С. Н. Плотникова, П. Рабардель, С. А. Колосов);

- исследования в области культурологии, теоретически обосновывающие оппозицию свой / чужой и образ врага (В. В. Красных, Л. С. Васильев, Л. В. Балашова, Л. Гудков);
- понятие стереотипа, разработанное в рамках социологии и культурологии (У. Липпман, В. А. Маслова, А. М. Рюмин);
- основные понятия теории аргументации, входящей в сферу интересов классической логики и риторики (А. А. Ивин, Е. В. Ключев, Г. Г. Хазагеров);
- теоретическое обоснование понятия экстремизма (А. Т. Бозиев, В. А. Гаужаева, Н. В. Голубых, М. П. Леготин, А. В. Римский, А. В. Артюх).

В центре внимания данной статьи находится обостряющаяся проблема жесткого противостояния двух политических систем, англосаксонской и российской, очевидцами которого мы являемся, и в связи с этим особенности преподавания английского языка на факультетах иностранных языков в современных условиях. Теоретические проблемы политической лингвистики оказываются связанными с практическими вопросами, затрагивающими процесс изучения языка политики будущими филологами. Приобретение профессиональных навыков свободного общения на английском языке в разных сферах речевой деятельности предполагает овладение компетенциями, в том числе и в области политической коммуникации, представленной в СМИ, или масс-медиа. Эту задачу призвана решить такая дисциплина, как «Язык прессы», входящая в качестве отдельного раздела в практический курс иностранного языка.

К работе в студенческой аудитории привлекаются статьи, извлекаемые из таких зарубежных изданий, как *The Guardian*, *The New York Times*, *National Review*, *Foreign Policy Journal* и др. Эти издания относятся к так называемой качественной прессе, а их электронные версии пользуются высокой популярностью среди читателей в сети Интернет. Целевой аудиторией этих изданий, поднимающих политическую, экономическую, социальную и культурологическую проблематику, являются образованные, активные читатели, которых принято относить к гражданскому обществу. Постановка проблем, их интерпретация и тон подачи информации явно нацелены на внутреннего потребителя.

2. Формирование пейоративного образа России в англоязычном масс-медийном дискурсе

2.1. Согласование позиций и аргументированность как основа конструктивного медиавоздействия в англоязычном внутриполитическом дискурсе

Анализ статей, относящихся к внутриполитической деятельности Британии и США, показывает достаточно взвешенную, аргументированную, подкрепленную фактами позицию журналистов, освещающих те или иные

события. Даже в случае расхождения взглядов по тем или иным вопросам, касающихся проблем образования, здравоохранения, иммиграции, межрасовых и межнациональных отношений, налицо стремление обратиться к экспертному сообществу с тем, чтобы прояснить проблему и от дискурса различий перейти к дискурсу согласования [1]. Таким образом, в качестве авторитетного ориентира для последующих действий принимается аргументация и мнение экспертного сообщества (социологов, политологов, историков, психологов и др.), что скрепляет общество и удерживает его от раскола.

Огромную роль в смягчении внутренних противоречий сыграл разработанный специально для этих целей политкорректный политический дискурс, который в угоду толерантности породил косвенные, эвфемистичные наименования и этими симулякриванными языковыми знаками, затушевывающими неприглядные явления в обществе, создал иллюзию социального согласия и единства, не отражающую истинную картину жизнеустройства, но позволяющую выжить в условиях современного либерального общества [2–4].

2.2. Конфронтационная риторика в отношении России как основа деструктивного медиавоздействия в англоязычном внешнеполитическом дискурсе

Совсем иначе обстоят дела во внешнеполитическом дискурсе, в особенности там, где речь идет о России. Толерантность переходит в нетерпимость; уважительный тон сменяется принижением и пренебрежением; вежливость, характеризующая межличностные отношения, заменяется не просто ее антиподом, невежливостью, но уступает место прямым оскорблениям; доверительность в отношениях сменяется подозрительностью; бывший союзник сегодня рассматривается как противник; некогда спасший от фашизма друг становится сейчас злейшим врагом. Не следование фактам, а дискредитация и диффамация России как врага является лейтмотивом статей, в которых затрагиваются события, так или иначе связанные с Россией. Налицо нескрываемая вербальная конфронтационность, которая проявляется в так называемой лексике вражды (*hate speech*), изучаемой в рамках оформившейся недавно дисциплины – лингвоконфликтологии [5, с. 108].

При этом градус напряженности только растет, что дает основания многим политикам и экспертам говорить об информационной войне между коллективным Западом и Россией. В основе предельно жесткого противостояния лежат эссенциально и экзистенциально важные для обеих противостоящих сторон геополитические интересы. Но в таком случае, если речь идет о войне, пусть и информационной, мы вправе утверждать о крайних,

т. е. экстремистских взглядах в отношении России, которая в этой войне является не нападающей, а обороняющейся стороной.

2.3. Проявление экстремизма в межгосударственных отношениях

На наш взгляд, экстремизм, определяемый как «приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)»¹, может относиться и к межгосударственным отношениям, примером чему служит политический курс тех западных стран, которые видят решение политических проблем в конфронтации с противником, не исключая последующего его физического устранения и уничтожения. Цель экстремизма как идеологии и политической деятельности, крайней формой проявления которого выступает терроризм, заключается в дестабилизации и разрушении сложившихся в обществе отношений и ценностей, что в конечном счете направлено на подрыв и свержение общественно-политического строя государства.

При всей разности трактовок экстремизма его ключевыми признаками считаются крайние взгляды, радикализм, фанатизм, одномерность восприятия проблем, иррациональная опора на предрассудки и стереотипы, нетерпимость к иным взглядам и неспособность к компромиссам, разжигание розни, публичный характер действий, нацеленных на воздействие на принятую в обществе систему взглядов и ценностей, склонность к насильственным способам решения проблем [6–9].

Прежде чем давать лингвистический анализ англоязычных газетных публикаций, доказывающий крайне враждебное отношение к России, и продумывать способы противодействия в российской студенческой аудитории той экстремистской риторике и вербальной агрессии, которой они подвергаются как граждане своей страны, необходимо осветить некоторые вопросы, относящиеся к СМИ и ее роли в современном мире.

2.4. Роль СМИ как социального института в современном мире

Говоря о СМИ, нельзя обойти вниманием вопрос о том значении, которое они приобрели в последнее время. Наряду с доминирующими функциями – информационной, идеологической и воздействующей [10, с. 48], – СМИ осуществляют целый ряд других, не менее важных функций: культурно-просветительную, обра-

зовательно-воспитательную, социально-ориентирующую, объединительно-солидаризирующую, аргументивно-персуазивную (убеждающую и побуждающую к солидарным действиям), организующую, регулирующую, развлекательную и проч. Особую роль в настоящее время приобретает воздействующая функция, тесно связанная с идеологией, которую осуществляет правящая элита страны.

СМИ не только предоставляют сведения о происходящих в мире событиях, но и подают их в том свете и в таком ракурсе, как это выгодно действующей власти, которая управляет страной и регулирует ее политическую деятельность. Видение событий опосредуется доминирующей в обществе идеологией, ценностными ориентирами, а также политическими установками и целями. В современном мире масс-медийный дискурс, реализуемый СМИ, – это основной инструмент воздействия на массовую аудиторию, который используется для того, чтобы побудить ее действовать в соответствии с планами властных структур.

СМИ как один из социальных институтов, интегрированных во властные структуры, содействуют реализации политико-экономического курса, проводимого властью, осуществляя идеологический, политический и духовный контроль над жизнью общества. Контроль при этом носит всеобъемлющий характер, проявляясь в избирательности подаваемой информации, проходящей через множество фильтров, в результате чего одни ценности насаждаются, а другие обесцениваются [11].

СМИ служат основным орудием формирования общественного мнения, которое либо санкционирует то или иное решение власти, либо резко отвергает его и не позволяет провести его в жизнь. Политолог и социолог Уолтер Липпман, введший в 1922 г. в научный обиход термин *общественное мнение*, исследовавший механизмы его формирования, функционирования и воздействия, подчеркивал, что в его основе лежат стереотипы – иллюзорные конструкты, формирующие псевдо-реальность (*quasi-environment*), замещающие существующую действительность [12]. Стереотипы представляют собой односторонние взгляды, связанные, как правило, с преувеличением и предубеждением в отношении групп людей, национальной общности или расы, а также класса людей².

¹ Словарь иностранных слов [свыше 21000 слов] / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа: Русский язык – Медиа, 2009. С. 781.

² Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь; пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. С. 470.

2.5. Манипулятивные технологии целенаправленного создания оценки в СМИ как инструмент формирования общественного мнения

Преследуя цель завоевания, сохранения и удержания власти, правящая политическая элита зачастую прибегает к манипуляции массовым сознанием, формируя выгодное ей общественное мнение, построенное в значительной мере на стереотипах. Манипуляция представляет собой скрытую форму воздействия, в ходе которого подвергшиеся манипулированию люди, не распознавая планов манипулятора, меняют свои цели, установки, ценностные ориентиры и намерения, в результате чего их поведение не согласуется с их изначальными целями, установками, ценностями и намерениями [1, с. 4].

Манипулятивное воздействие осуществляется посредством искусного применения языковых средств, которые выступают инструментом языкового насилия [13, с. 159], поскольку изменение первоначальных намерений и установок происходит не по воле манипулируемого, а без его ведома, осознания, согласия и контроля. Манипулятивное речевое воздействие – это всегда языковое насилие над личностью [14, с. 147].

В практике межгосударственных отношений, в политической коммуникации с другими странами активно используется манипулятивная технология, применяющая коммуникативные стратегии целенаправленного создания оценки, положительной или отрицательной. Эта технология часто используется в целях конструирования определенного образа, оцениваемого по этическому признаку *хороший / плохой*. Трудно согласиться с мнением о том, что в современной публицистике на смену открытой пропаганде «пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием, не содержащее прямых оценок», поскольку «прямолинейность выражения оценки снижает эффективность воздействия на массового адресата» [15, с. 228].

Данное утверждение верно лишь отчасти, оно не может распространяться на все стратегии и тактики манипуляции. Так, наблюдения над публицистическим дискурсом показали явное превалирование отрицательной оценки над положительной, что в процентном соотношении выглядит так: 65 % против 12 % [16, с. 237]. Более того, оценка, как правило, не знает полутонов, и объект характеризуется либо как безукоризненно положительный, либо как крайне отрицательный. В первом случае речь обычно идет о позитивной самопрезентации, во втором – о негативной репрезентации оппонента. Именно последняя используется при конструировании образа врага.

3. Формирование образа России как врага в британских и американских СМИ

По сути, эта эмоционально-оценочная демаркация, в основе которой лежит оппозиция по признаку *свой / чужой* [17], глубинные корни которой ведут в родоплеменные отношения, требовавшие различения общности по данному принципу в целях ее сохранения. Чужой мог оказаться врагом, представлять опасность не только для отдельных соплеменников как членов группы, но и нести угрозу существованию всего рода. Образ врага, уходящий в глубины архаики, активно эксплуатируется в современном информационном пространстве. Не является исключением и англоязычный масс-медийный дискурс, обслуживающий интересы правящей элиты, главным направлением которой стала в последнее время явная русофобия. Отсюда и целенаправленное формирование образа России как чужого, как врага, которое мы наблюдаем в британских и американских СМИ.

Напомним, что архетип врага, который складывается из таких составляющих, как *чужой, агрессор, варвар, преступник, достойный противник, насильник* и др., несет угрозу базовым ценностям группы и самому ее существованию. Считается, что от врага исходит смертельная опасность [18]. Восприятие врага может носить опосредованный характер, будучи заданным источниками информации, к которым относятся в том числе и СМИ, целенаправленно формирующие образ врага [19].

Подобный преднамеренно конструируемый образ – это эмоционально-оценочное, негативное представление о стране, в которое сознательно вкладываются признаки и характеристики, уже сформированные в общественном сознании в качестве сложившегося стереотипа врага как воплощения абсолютного зла. К ним относятся такие качества, как безнравственность, беспринципность, лживость, агрессивность, коварство, постоянное применение насилия, жестокость, тирания, угнетение других и проч. Поэтому создаваемый образ врага должен, согласно планам манипуляторов, вызывать неприязнь, отторжение, ненависть и другие негативные эмоции, а действия врага должны порождать ответную реакцию противодействия.

Примечательно, что если мы обратимся к эпохе противостояния Запада и СССР, то увидим, что с тех пор мало что изменилось. Все перечисленные качества и риторика ненависти (*hate speech*) переносятся теперь уже на постсоветскую Россию. Сформировалась «своеобразная инерция или традиция» использования языка вражды, основным объектом которого является Россия, рассматриваемая как главный источник проблем и угроз всему западному миру [5, с. 111].

4. «Лексика вражды» как языковая основа формирования пейоративного образа России и манипулятивные уловки псевдо-аргументации в британской и американской прессе

Обратимся к фактическому материалу. Уже из заголовка статьи *Russia Is Americans' Biggest Enemy*³ (Россия является самым большим врагом американцев), опубликованной в газете *The Moscow Times*, становится ясно, кем представляется Россия для США. Неслучайно использование прилагательного *big* в превосходной степени, что служит эмоционально-оценочной интенсификации утверждения. Заметим, что прилагательное несет двоякий смысл, характеризуя Россию и как самую большую страну (что само по себе уже пугает западного обывателя), и как самого мощного и злейшего врага.

В данной статье представлены результаты опроса граждан о том, кого они считают самым серьезным врагом Америки. Из ответов следует, что общественное мнение единодушно в том, что именно Россия является самой большой угрозой для Америки из всех существующих стран. Следом по степени убывания враждебности идут Северная Корея, Китай и Иран: *In the eyes of Americans, Russia has surpassed North Korea as the main enemy of the United States, a new Gallup poll reveals; Russia led the pack of named U.S. foes... North Korea came second..., followed by China... and Iran; Still, the perceived threat of Russia's military power pales in comparison to Americans' other concerns; Despite the increase in perceptions of Russia's military power as a critical threat, the issue still is rated well behind other international challenges such as terrorism generally, the ISIS group specifically, and Iran's development of nuclear weapons, the statement said.*

Обращает на себя внимание употребление слов-синонимов *enemy*, *foe* (враг), а также негативно-коннотируемые словосочетания *military power* (военная мощь), *perceived threat* (ощущаемая, нависшая угроза), *critical threat* (критически-предельная, высочайшего уровня угроза), семантически связанные с военной сферой, которые создают у читателя мнение, что от крайне враждебной России исходит прямая угроза войны. И повтор слова *threat* в этом контексте отнюдь не случаен, учитывая усилительно-воздействующую силу повторения.

Особая роль в манипулятивном воздействии на адресата отводится сверхположительной оценке собственной деятельности, а именно мелиоративной, возвышающей тактике преувеличения своей роли в мире, как будто бы

лишь одна Америка борется со всеми международными вызовами. Причем эти вызовы настолько серьезны, что даже угроза военной мощи России бледнеет по сравнению с ними (см. метафорическое употребление глагола *pale* в этом контексте, участвующее в тактике умаления, преуменьшения роли противника, т. е. России).

В статье, опубликованной в газете *The Guardian*⁴, озаглавленной в форме разделительного вопроса, имплицитно задается читателям выбор, с кем им воевать, с Россией, в холодной войне или с терроризмом, в реальной, горячей войне: *Is a new cold war with Russia inevitable or is terrorism the real enemy?* (Новая холодная война с Россией неизбежна, или настоящий враг – это терроризм?). В заголовке присутствует слово *enemy*. Эксплицитно словом *враг* характеризуется терроризм, но имплицитно оно относится и к России, потому что войны, и холодные, и горячие, ведутся только с врагом как самым сильным и непримиримым противником.

Приведем отрывки из анализируемой статьи, обвиняющей Россию и сирийское правительство Башара Асада в пособничестве терроризму: *Meanwhile, Russia and Assad's Syrian regime were "weaponising" immigration to destabilise Europe, according to Nato's commander, US General Philip Breedlove; Vladimir Putin's motive, according to this narrative, is to destabilise European leaders, notably Angela Merkel, and encourage right-wing parties throughout the continent.*

Данный текст является ярким примером использования таких тактик манипулятивной стратегии негативной репрезентации оппонента, как дезинформация и ложное обвинение в деструктивной политике. Не предъявляя никаких доказательств, если не считать псевдо-аргументативной уловки – отсылки к авторитету, которым служит заинтересованный в противоборстве с Россией генсек НАТО, автор статьи утверждает, что главной целью России является дестабилизация европейских стран, осуществляемая якобы посредством поставки оружия иммигрантам и поддержки правых партий.

Обвинением в поддержке тех, кто считается в Европе экстремистом, России наносится значительный, дискредитирующий ее репутационный урон в глазах британских читателей, имеющих поверхностное представление о проблемах на Ближнем Востоке, ограниченное теми сведениями, которые предоставляют им британские СМИ. В приведенных отрывках нет слова *враг*, но стереотип

³ Nechepurenko I. *Russia Is Americans' Biggest Enemy* // *The Moscow Times*. 16.02.2015. Режим доступа: <https://www.themoscowtimes.com/article/516012.html> (дата обращения: 05.12.2017).

⁴ Norton-Taylor R. *Is a new cold war with Russia inevitable or is terrorism the real enemy?* // *The Guardian*. 22.03.2016. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/news/defence-and-security-blog/2016/mar/22/is-a-new-cold-war-with-russia-inevitable-or-is-terrorism-the-real-enemy> (дата обращения: 05.12.2017).

врага срабатывает и здесь, поскольку действовать в связке с режимом и экстремистами, вмешиваться во внутренние дела стран и дестабилизировать их может только враг.

Дискредитация России тем эффективнее, что этой цели служат эмоционально-оценочные экспрессивные языковые средства, в частности, обладающие негативной коннотацией глаголы *destabilise* и *weaponise*. Последнее слово является к тому же окказиональным образованием, что еще более усиливает его экспрессивность. Обращает на себя внимание и повтор слова *destabilise*, «вбивающий» в сознание читателей мысль об упорных попытках России дестабилизировать ситуацию в Европе в целом и повлиять на состояние и позицию Ангелы Меркель. Отметим и выражение *throughout the continent*, имплицитно ужающую для западного обывателя мысль о влиянии и всемогуществе России, действия которой будто бы охватывают весь Европейский континент.

Заголовок статьи *Russia is more dangerous than Isis, says Polish foreign minister* (Россия более опасна, чем ИГИЛ, утверждает министр иностранных дел Польши), опубликованной в газете *The Guardian*⁵, проговаривает то, что западные элиты хотели бы скрыть, а именно их поддержку опаснейшей международной террористической организации, предоставляемую ими в противовес России. Правящие круги коллективного Запада считают Россию большей угрозой для себя, чем ИГИЛ.

Весьма показательна их «аргументация». По мнению руководителя Польского МИДа, деятельность России (напомним, что речь идет о борьбе России против терроризма в Сирии) представляет собой экзистенциальную угрозу для западных стран, поскольку эта деятельность (активность) способна разрушать страны: *By all evidence, Russia's activity is a sort of existential threat because this activity can destroy countries.*

В этой статье также нет слова *враг*, но в ней внедряется в массовое сознание мысль о том, что важна не борьба России с международным терроризмом, причем фактически в одиночку, без помощи Запада, а некая экзистенциальная угроза с ее стороны, которая якобы направлена на уничтожение стран вообще, а не только терроризма. И читатель подводится к выводу: такая страна-агрессор с ее деструктивной политикой является крайне опасным врагом, которого следует бояться более, чем любого даже самого страшного терроризма.

Манипуляция общественным сознанием строится здесь на целом ряде составляющих. Прежде всего, перед

нами ложное, не соответствующее действительности утверждение. Эту явную ложь пытаются подкрепить не фактами, которых нет, а уловками псевдо-аргументации. Наиболее очевидной из них является отсылка к авторитету в лице государственного деятеля высокого ранга.

Другим «аргументом» служит парентеза – вводная фраза *By all evidence* (Судя по всем данным (доказательствам)), которая, кстати, сама по себе никаких данных или доказательств не содержит и не вводит. Эта общая бессодержательная фраза, однако, способна убедить неискушенного читателя, поскольку в ней содержится слово *evidence*, обозначающее доказательства, сведения, улики, которым принято доверять.

Манипулятивным целям служит и употребление книжной лексики, семантика которой не всегда точно определяется обывателем. Таковым в этом тексте является прилагательное *existential*, имеющее разное значение в быденной речи и в философии экзистенциализма. Неясные обозначения, особенно связанные с научной терминологией, всегда обладают большей суггестивной, внушающей силой в сравнении с общеупотребительной лексикой. В данном конкретном случае внушение направлено на усиление чувства опасения, недоверия и страха перед Россией, что обусловлено сочетанием прилагательного *existential* с существительным *threat* (угроза), имеющим сильную негативную коннотацию.

В статье *Siding with the enemy*⁶ (На одной стороне с врагом), опубликованной в *The New York Times* 22.11.2017, говорится о мнении Дональда Трампа, который в ходе бесед с Владимиром Путиным пришел к выводу о том, что Россия не вмешивалась в ход президентских выборов в США. Это признание, выраженное в очень осторожной форме, привело демократическую прессу США в ярость. Автор статьи называет заявление американского президента предательством (*betrayal, treacherous*), а якобы прогибание Америки (*American submission*) перед враждебным российским народом (*a nation hostile to this country – Russia*) – дипломатией по принципу подставь другую щеку для удара (*this kind of turn-the-other-cheek diplomacy*) и пощечиной американцам (*a slap in the face*).

Весьма интересно использование высоко экспрессивного окказионального, голофрастического эпитета *turn-the-other-cheek*, построенного по принципу уподобления предложения слову [20]. И по смыслу, и контекстуально, и аллюзивно (см. библейское высказывание) голофрастис связан с упоминаемой пощечиной, но едкая ирония,

⁵ *Russia is more dangerous than Isis, says Polish foreign minister* // *The Guardian*. 15.04.2016. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/15/russia-more-dangerous-isis-polish-foreign-minister-witold-waszczykowski> (дата обращения: 05.12.2017).

⁶ *Blow Ch. M. Siding with your enemy* // *The New York Times*. 12.11.2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/11/12/opinion/trump-putin-russia.html> (дата обращения: 29.10.2018).

направленная в адрес американской дипломатии, призывает явно не к библейскому смирению, а к возмущению и протесту. Ведь с враждебным народом не мирятся, с ним воюют. Лексика вражды, агрессивная манипуляция общественным мнением, нагнетание негативных эмоций в отношении оппонента, с которым якобы невозможны никакие компромиссы, тем заметнее, когда вдумываешься, по поводу чего так накалились страсти: всего лишь осторожного сомнения Трампа о вмешательстве России в предвыборную президентскую кампанию в США.

И вместе с тем манипулятивная пейоративная стратегия негативной репрезентации оппонента, когда так конструируется образ врага, весьма эффективна. Этому служит многократный повтор о вмешательстве России в выборы в США, который лишь стороннему, незаинтересованному или информированному читателю кажется навязчивым: *Russia interfered in our elections; the Russian efforts influenced our elections; Russia's assault on our elections; the Russian election meddling; Russia attacking our elections; Russia attacked our elections*. Одна только последняя фраза повторяется в тексте четыре раза. И этот прием не следует недооценивать, учитывая воздействующую силу повторения, которую подметил Ж. Деррида: «Повторение снимает негативность, собирает и сохраняет прошедшее настоящее как истину и идеальность. Истинное – это всегда то, что можно повторить» [21, с. 90; 22, с. 30–32]. Действует и другое правило повторения: чем чаще номинации «будут применяться в речевой практике, тем глубже они "осядут" в сознании реципиентов» [14, с. 152].

В доказательство вмешательства приводится то обстоятельство, что многие избиратели не пошли голосовать и остались дома: *they just stayed home*. При этом говорится: какими точно методами пользовалась Россия и как это повлияло на исход выборов, неизвестно (*We may never know precisely how all the Russian efforts influenced our elections*), но отрицать само влияние якобы нелогично и просто смешно (*but saying that it had no effect defies logic and is indeed laughable*). Апелляция к логике при отсутствии логических аргументов и к эмоционально-физиологической реакции смеха не имеет доказательной силы и представляет собой манипулятивный тактический прием.

В анализируемой статье часто используется слово *преступление (crime)*, которое повторяется на протяжении всей статьи, где говорится о Путине, который, по словам автора статьи, поддерживает кровавый режим Асада (*the murderous Assad regime*), противится попыт-

кам остановить кровопролитие в Сирии (*would prevent him from making a deal to end the bloody conflict*). Угроза, исходящая от России, представлена как очевидный факт, отрицание которого губительно для Америки. В качестве доказательства безапелляционного утверждения приводятся псевдо-аргументативные уловки, а именно ссылки на слова собеседника и собственное мнение: *Clapper said: The threat posed by Russia, as John (Brennan) just said, is manifest and obvious. To try to paint it in any other way is, I think, astounding, and in fact, poses a peril to this country*.

Анализ других статей последних лет свидетельствует о том, что образ России, представленный в британской и американской прессе, не претерпел каких-либо изменений в позитивную сторону и по-прежнему строится на стереотипе и архетипе врага. Можно сказать, что шаблонное, трафаретное представление России как врага стало своеобразным ритуалом, которому следуют авторы статей в англоязычной прессе. Заметим, что ритуальность является одним из признаков политической коммуникации, которому, впрочем, противостоит такое позитивное качество, как ее информативность [23].

Достаточно привести заголовки статей из наиболее авторитетных газет, чтобы в этом убедиться: *West and Russia on course for war, says ex-Nato deputy commander (The Guardian, 18.05.2016)*; *Russia's hybrid war (The New York Times, 24.02.2016)*; *We cannot celebrate revolutionary Russian art – it is brutal propaganda (The Guardian, 01.02.2017)*; *Georgia accuses Russia of war crimes during 2008 conflict (The Guardian, 23.05.2018)* и др. Действия России в тексте самих статей описываются как агрессивные, деструктивные, воинственные (*aggressive, disruptive, tumultuous*).

Президент России характеризуется исключительно с помощью пейоративной лексики. Его образ инфернализируется, демонизируется, представая в виде могущественного черного мага как представителя темных сил (*a skilled practitioner, a grandmaster of that dark art*), чья деятельность приводит к конфликтам, трагедиям и разрушениям (*sparks of conflict, disasters and tragedies*). Без всяких сомнений и доказательств утверждается, что в планы В. Путина входит захват восточной Украины, нападение на страны Балтии, что он готов применить ядерное оружие (*Russia... will seize territory in eastern Ukraine... and invade the Baltic states; Putin could invade the Baltic states and then threaten nuclear action if NATO threatened to intervene*⁷).

Во всех статьях, где речь идет о России, бросается в глаза обилие лексики, связанной с войной, а именно с военными действиями, нападением, разрушениями,

⁷ MacAskill E. West and Russia on course for war, says ex-Nato deputy commander // The Guardian. 18.05.2016. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/18/west-russia-on-course-for-war-nato-ex-deputy-commander> (дата обращения: 05.12.2017).

предательством и проч. Как правило, это так называемые милитарные метафоры, которые служат цели метафорического моделирования образа России посредством особого рода уподоблений, обладающих высоко-экспрессивной, крайне негативной эмоционально-оценочной коннотацией. Использование этих метафор оказывает сильнейшее психологическое воздействие на читателя, вызывая в нем эмоции страха и ужаса перед грозным, неумолимым врагом, который вот-вот развяжет войну с Западом.

5. Заключение. Противодействие манипулятивному агрессивному медиавоздействию британских и американских СМИ в российской студенческой аудитории при преподавании дисциплины «Язык прессы»

Все вышесказанное означает, что обучение российских студентов публицистическому функциональному стилю, которое базируется на материале аутентичных англоязычных статей, не может игнорировать тот язык вражды, которым переполнена британская и американская пресса. Перед преподавателем и студентом неизбежно встает вопрос о работе с материалом, в котором образ России рисуется в одних и тех же черных красках.

Необходимо помнить, что в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации подобное крайне негативное отражение российской действительности в западных СМИ, манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие, искажение информации), направленное против интересов России, ущемление ее интересов, вытеснение ее из информационного пространства тем, что ей не дается права голоса, потому что в монологичной западной прессе нет места диалогу и полемике, – все это может нести угрозу информационной безопасности страны [24, с. 4; цит. по: 14, с. 150]. И подобному языку вражды, наносящему репутационный, информационный ущерб России и осуществляющему речевое насилие в отношении ее граждан, следует противодействовать. Особенно важной является разъяснительная работа в молодежной, студенческой аудитории.

Опыт преподавания языка англоязычной прессы, отличающейся крайней тенденциозностью, агрессивностью, использующей манипулятивные технологии воздействия на сознание читателей, наталкивает на некоторые размышления, которые можно сформулировать следующим образом, не претендуя при этом на полноту охвата проблемы, ее исчерпанность или окончательное решение.

Следует, в первую очередь, подчеркнуть, что распознавать дезинформацию, сокрытие или искажение информации далеко не всегда так просто. Для этого необходимо владеть достаточным объемом и уровнем знаний о совре-

менной политической действительности. Невежество, неосведомленность – вот на чем базируется манипулятивное речевое воздействие, преследующее свои корыстные цели переформатировать массовое сознание, чтобы ложь легко принималась за истину.

Существенно важно умение распознавать манипулятивные стратегии и тактики, и здесь роль педагога трудно переоценить. Студенты должны воспринимать учебные дисциплины и курсы (стилистику, прагматику, основы коммуникации, межкультурную коммуникацию и проч.) не начетнически, а видеть воздействующий потенциал разнообразных стилистических приемов и экспрессивных средств, подмечать используемые коммуникативные стратегии и тактики воздействия, распознавать методы аргументации и уловки псевдо-аргументации и проч.

Что касается чтения и интерпретации статьи, то, как представляется, при изложении ее содержания и точки зрения автора целесообразно также обозначить свою позицию, избегая при этом всякого рода крайностей и ответных экстремистских высказываний в духе языка вражды. В предложенной интерпретации предвзятому, одностороннему, эмоционально-агрессивному подходу следует противопоставить сбалансированную, спокойную, подкрепленную фактами позицию. Отметив манипулятивные тактики и языковые средства их реализации, необходимо противопоставить им убедительные аргументы. Искажение истины, ложь, полуправда или замалчивание должны уступить место объективной, честной трактовке событий.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что критический подход к материалам, прибегающим к безосновательным обвинениям нашей страны, ее унижению и очернению, не должен заимствовать подобные приемы в своей практике. Перед преподавателем стоит задача неустанно проводить линию на уважительное отношение к сопернику, который может находиться в плену стереотипов, вполне искренне заблуждаться и верить в созданный им самим фантом врага. И даже если соперник владеет информацией и ситуацией, но будучи настроенным крайне враждебно и воинственно, со знанием дела использует манипулятивные стратегии и тактики воздействия, не следует уподобляться ему в воинственности и недобросовестности.

Но при этом важно помнить, что агрессия остается агрессией, проявляется ли она на поле боя или в словесной битве. Она лишь принимает разные формы на разных стадиях конфликта. И реальным военным действиям практически всегда предшествует крайне воинственная, агрессивная, экстремистская риторика. Перед властью и обществом стоит принципиально важная задача зафиксировать тенденцию перехода от фазы вербальной агрессии

к активной фазе действий, чтобы предотвратить угрозу реального конфликта [5, с. 108].

Вместе с тем необходимо осознавать, что публикуя статьи, в которых Россия предстает в образе врага, англоязычные СМИ создают особую, виртуальную модель действительности в сознании читателей, не имеющую ничего общего с реальностью. Образ врага, конструируемый провластными СМИ в Британии и США, отвечает определенным целям, важнейшей из которых является обеспечение внутренней консолидации членов общества для решения своих внутренних проблем. Для осуществления этой доминирующей цели используются отработанные и во многом эффективные манипулятивные тех-

нологии, рассчитанные на читателя, лишь поверхностно знакомого с реалиями современной политической действительности. Еще раз подчеркнем, что для российской студенческой аудитории важно не только уметь распознавать эту манипуляцию, но, главное, расширять свой кругозор, анализировать ситуацию, а не мыслить односторонними стереотипами и шаблонами. Тогда не возникнет ни опасности пробудить в себе экстремистское, враждебное отношение к стране изучаемого языка, ни опасности поверить антироссийской риторике западной прессы на слово, т. е. самому стать объектом манипуляции и, поддавшись манипулированию, пробудить в себе недоверие к собственной стране.

Литература

1. Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2007. № 5. С. 3–12.
2. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 206 с.
3. Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 180–186. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186>
4. Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2018. 226 с.
5. Хроменков П. Н. Лексика вражды в публичной политической риторике периода холодной войны (на материале инаугурационных речей президентов США середины XX в. – 80-х гг. XXI в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 107–117. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-3-107-117>
6. Гаужаева В. А. Понятие идеологии экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 53–55.
7. Римский А. В., Артюх А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 16. С. 244–250.
8. Голубых Н. В., Леготин М. П. О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6. С. 60–63.
9. Бозиев А. Т. Об идеологии экстремизма и терроризма // В мире научных открытий. 2015. № 3-1. С. 1004–1018.
10. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО. 2005. 832 с.
12. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
13. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2009. 176 с.
14. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 145–158.
15. Троицкая Т. Б. Роль оценочности в реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 560. С. 221–231.
16. Микляева В. Н. Коммуникативные стратегии газетного дискурса и роль образных фразеологических единиц в их реализации (на материале англоязычного газетного комментария // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2010. № 596. С. 235–249.
17. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 40–50.

18. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
19. Козырев Г. И. «Враг» И «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31–39.
20. Сыроваткин С. Н., Шевлягина Н. В. Основные типы голофрастических конструкций в современном английском языке // Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках. Челябинск, 1976. Вып. 1. С. 109–114.
21. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. М.: Академический проект, 2000. 495 с.
22. Карпукхина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. Хабаровск: ДВГГУ, 2006. 392 с.
23. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
24. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. М.: Добросвет; Изда-во КДУ, 2011. 232 с.

Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students)

Tamara P. Karpukhina ^{a, @, ID}

^a Pacific National University, 136, Tikhoonevskaya St., Khabarovsk, Russia, 680035

[@] tkarpukhina1@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

Received 08.11.2018. Accepted 07.03.2019.

Abstract: The research features manipulative technologies aimed at forming the inimical image of Russia in British and American mass-media. The inimical conception, when intentionally built, is predetermined by the already existing stereotype of an enemy, whose most evident and manifest features are singled out and enclosed into the image thus constructed. The stereotype, in its turn, can be traced back to the most ancient archetype of a hostile member of a different tribe, perilous to the group he intends to destroy. The image of Russia created by the British and American mass-media is overloaded with negative connotations as contrasted with a highly positive self-image of the British and Americans. Russia is presented as an aggressor that interferes with other countries' affairs, while its opponents, as they claim, fight against terrorism and meet other global challenges. Nothing is farther from the truth but the manipulative technologies employed help to drive this idea into the readers' heads. The British and American media-language turns to "hate speech" whenever they refer to Russia. Most effective, though over-exploited, is its constant repetition. All this serves as a substitute for actual facts, logic, and arguments. The question arises: what should EFL students do with the language material that often misinforms or insults their country? The answer is obvious: never degrade yourself by attacking or insulting the opponents. They might be entrapped in the war rhetoric or the stereotypes and be truly convinced of the Russians' hostility. Consider the facts, but not emotions, and manipulation will miss you or your friendly attitude to Englishmen and Americans as a target.

Keywords: mass-media, political discourse, the image of an enemy, to construct an image, stereotype, archetype, manipulation, evaluation, self-presentation, representation, hate speech / language, extremism

For citation: Karpukhina T. P. Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students) // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 212–222. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-212-222>

References

1. Kaplunenko A. M. On the technological essence of the manipulation of consciousness and its linguistic features. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2007, (5): 3–12. (In Russ.)
2. Kuznetsova N. V. *The phenomenon of political correctness in modern political discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ulan-Ude, 2017, 206. (In Russ.)
3. Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The basis of the politically correct modern political discourse in the French language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 180–186. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186>
4. Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. *The phenomenon of political correctness in modern Western political discourse: the beginning of the end of a new liberal ideology?* Khabarovsk: Izd-vo TOGU, 2018, 226. (In Russ.)
5. Khromenkov P. N. "Hate speech" in public political rhetoric of the period of the Cold War (by the example of inaugural speeches of the USA presidents from the middle of XX century – the 80s of XX century). *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 2016, (3): 107–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-3-107-117>
6. Gauzhaeva V. A. The concept of extremist ideology. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2016, (2): 53–55. (In Russ.)
7. Rimskiy A. V., Artukh A. V. Extremism and terrorism: notion and essential forms. *Bulletin of Belgorod state University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2009, (16): 244–250. (In Russ.)
8. Golubykh N. V., Legotin M. P. On the essence of concept essence "extremism". *Advokat*, 2013, (6): 60–63. (In Russ.)
9. Boziev A. T. On extremism and terrorism ideology. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2015, (3-1): 1004–1018. (In Russ.)
10. Dobrosklonskaya T. G. *Issues of studying media texts. Finding in the research of modern English media*. Moscow: Editorial URSS, 2005, 288. (In Russ.)
11. Kara-Murza S. G. *Mind manipulation*. Moscow: EKSMO, 2005, 832. (In Russ.)
12. Lippmann W. *Public opinion*, transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384. (In Russ.)
13. Kopnina G. A. *Speech manipulation*. Moscow: Flinta, 2009, 176. (In Russ.)
14. Zaripov R. I. Manipulation impact through metaphors in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2014, (2): 145–158. (In Russ.)
15. Troitskaya T. B. The role of evaluations in the realization of the polemic strategy in German publicistic discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2009, (560): 221–231. (In Russ.)
16. Miklyaeva V. N. Communicative strategies of newspaper discourse and the role of image-bearing idioms in their realisation (on the material of English newspaper comment). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, (596): 235–249. (In Russ.)
17. Balashova L. V. Implementation of the concepts of "friend or foe" in Russian political discourse in the beginning of XXI century. *Political Linguistics*, 2014, (1): 40–50. (In Russ.)
18. Gudkov L. The ideology of the enemy. "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism for socio-cultural integration. *The image of the enemy*, comp. Gudkov L.; ed. Konradova N. Moscow: OGI, 2005, 7–79. (In Russ.)
19. Kozyrev G. I. "The enemy" and "the image of the enemy" in social and political relations. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, (1): 31–39. (In Russ.)
20. Syrovatkin S. N., Shevliagina N. V. The main types of holofrastic structures in modern English. *Lexical and grammatical compatibility in Germanic languages*. Chelyabinsk, 1976, iss. 1, 109–114. (In Russ.)
21. Derrida J. *Letter and distinction*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 495. (In Russ.)
22. Karpukhina T. P. *Morphemic repetition in artistic prose viewed in the light of the general aesthetic game theory*. Khabarovsk: DVGGU, 2006, 392. (In Russ.)
23. Chudinov A. P. *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka, 2006, 256. (In Russ.)
24. Danilova A. A. *The word as a means of manipulation in mass media*. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet; Izd-vo KDU, 2011, 232. (In Russ.)